

**ОПТИМАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В СФЕРЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА**

Ю. Г. Арзамасов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CONCEPT, MANAGEMENT
DECISION-MAKING CAPABILITIES, REGULATORY MODELS**

Yu. G. Arzamasov

National Research University “Higher School of Economics”

Аннотация: отмечается, что существуют три основных варианта правовой регуляции искусственного интеллекта: 1) модели «мягкого» правового регулирования, представляющие набор норм, носящих рекомендательный характер; 2) модели «жесткого» регулирования в сфере искусственного интеллекта, их содержание составляют нормы права, закрепленные исключительно в законах и других нормативных правовых актах; 3) «смешанные» модели, характеризующиеся тем, что в них используются как рекомендательные нормы общественных организаций, так обязывающие и запрещающие нормы права, исходящие от государства.

Говорится, что Россия пошла по первому пути, приняв Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Определены основные причины принятия данного кодекса, обозначены плюсы и минусы выбранной в России модели правового регулирования в сфере искусственного интеллекта, указаны возможные риски такой регуляции. Сделан вывод, что оптимальной модели, применяемой в государствах с различными правовыми системами, без учета их особенностей создать невозможно. Однако одна и та же модель в одной правовой системе может работать продуктивно, а в другой – станет давать серьезные сбои либо действовать идеально только до определенного момента, после чего ее необходимо будет модернизировать либо менять полностью.

Ключевые слова: искусственный интеллект, модель правового регулирования, кодекс этики, регуляция, риски, оптимальная модель, мягкое право, твердое право.

Abstract: the article notes that there are three main options for the legal regulation of artificial intelligence. Firstly, these are models of “soft” legal regulation, which are a set of norms that are advisory in nature. The second group of models of regulation in the field of artificial intelligence is called “rigid”, since its content consists of legal norms fixed exclusively in laws and other regulatory legal acts. The third group of the model of legal regulation in the field of AI is called “mixed”, it is characterized by the fact that it uses both recommendatory norms of public organizations and binding and prohibiting norms of law emanating from the state. The paper says that Russia has followed the first path by adopting a Code of Ethics in the field of artificial Intelligence. The main reasons for the adoption of this Code are identified, the “pros” and “cons” of the model of legal regulation in the field of artificial intelligence chosen in Russia are identified. The possible risks of such regulation are indicated.

It is concluded that it is impossible to create an optimal model used in states with different legal systems without taking into account their peculiarities. However, the same model in one legal system can work productively, and in another system, it will cause serious failures, or act perfectly, only up to a certain point, after which it will need to be modernized, or completely changed.

Key words: artificial intelligence, model of legal regulation, code of ethics, regulation, risks, optimal model, soft law, hard law.

Данное исследование является продолжением статьи «Комплексный подход к определению искусственного интеллекта», в которой отмечалось, что первоочередной задачей в нахождении места права в системе конвергентных технологий «является определение модели правового регулирования в сфере ИИ и ее разработка, поскольку в механизме правового регулирования начальным этапом, определенным средством-действием этого воздействия на отношения в социуме, является нормотворческая деятельность»¹.

Как свидетельствует новая история, юристы всегда были на переднем крае при проведении социальных, экономических и, конечно, важных правовых реформ (Ф. Н. Плевако, М. М. Сперанский, П. А. Столыпин, С. Ю. Витте и др.).

В настоящее время общественные процессы, связанные с цифровизацией, разработкой и внедрением новых систем искусственного интеллекта (далее – ИИ), могут претендовать на то, что их вполне можно назвать реформированием. В данном случае мы солидарны с мнением ученых А. Ю. Сунгурова и Д. К. Тинякова, которые отмечают, что «реформы являются результатом совместных действий людей, представляющих как структуры исполнительной и (или) представительной власти, так и лидеров “групп защиты общественных интересов”»².

Несмотря на серьезное отличие функций, осуществляемых представителями различных юридических профессий, юристы в условиях цифровизации не должны быть аутсайдерами в исследовании конвергентных технологий, и речь здесь идет не просто о подходах к правовой регуляции, а в большей степени о нахождении путем правового мониторинга³ и юридического

прогнозирования возможных рисков и наиболее оптимальных правовых моделей регулирования отношений в сфере разработки и управления ИИ.

Модели правового регулирования в сфере разработки и применения искусственного интеллекта

В данной работе мы попытаемся ответить на три важных вопроса: какие существуют модели правового регулирования ИИ? какая из действующих моделей является оптимальной? возможно ли вообще создать такую модель применительно к ИИ?

Несмотря на существующие модели правового регулирования в науке и практике, можно выделить три основных варианта правовой регуляции указанных отношений в социуме.

Первый вариант – **применение моделей «мягкого» правового регулирования** («soft» law – англ.), представляющих определенный набор юридических норм и стандартов, носящих необязательный характер либо обладающих меньшей юридической силой, чем обязательные нормы позитивного права, но имеющих определенный практический эффект.

Интересной позиции относительно «мягкого» права придерживался в свое время Дж. Шварценбергер, рассматривая его в совокупности с нормами международной морали⁴.

Особый вклад в развитие теории «мягкого» права был сделан американским исследователем Дж. Голдом, который, разрабатывая свою доктрину, основывался прежде всего на том, что нормы «мягкого» права бывают двух видов: 1) неопределенные нормы договоров; 2) необязательные по своей природе нормы резолюций международных органов и организаций⁵.

Приведенные выше подходы наводят нас на мысль, что «мягкое» право – специальный термин, применяемый западными учеными исключительно в международном праве. Это не-

¹ Арзамасов Ю. Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Право. 2022. № 3 (50). С. 250.

² Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. Административная реформа и ее проекты в современной России: были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.

³ О правовом мониторинге см.: Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М., 2009; Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011; Баранов В. М., Мушинский М. А. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 79–88; Бачило И. Л. Правовой мониторинг – информационный ресурс для оздоровления законотворчества // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 5. С. 185–204; Правовой

мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2009; Тихомиров Ю. А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3; Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского гос. обл. ун-та. 2018. № 3. С. 8–21.

⁴ См.: Schwarzenberger G. Power Politics // A Study of World Society. L., 1964. P. 154.

⁵ См.: Gold J. Strengthening the Soft International Law of Exchange Arrangements // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77, no. 3. P. 443–489.

удивительно, поскольку впервые о «мягком» праве стали писать западные ученые с точки зрения международного публичного права. На данный факт неоднократно указывали отечественные исследователи обозначенной проблематики. Например, профессор Т. Н. Нешатаева справедливо заметила, что в западной правовой литературе «сформировалась концепция о делении международного публичного права на “мягкое” право (“soft” law) – рекомендательные нормы и “твердое” право (“hard” law) – обязательные нормы»⁶.

Однако не все исследователи разделяли эту точку зрения. Еще в 1982 г. профессор из Франции Проспер Вейль выступил с довольно резкой критикой «мягкого» права, называя его источником «беспорядка» в международном праве, способствующим размыванию границ между «нормами-рекомендациями» (aspirational norms) и общепризнанными нормами (established norms)⁷. При этом оппоненты теории «мягкого» права в своих умозаключениях опирались главным образом на бинарную концепцию (binary approach), которая отграничивала юридические средства регуляции от таких социальных регуляторов, как обычаи, религиозные тексты, акты корпораций и т. д. Фактически данная концепция отрицала «промежуточные» формы правовой регуляции и так называемые «смешанные» акты.

Название «промежуточные», «квазиправовые» явления применительно к актам «мягкого» права, которые существуют на границе между «жестким» формализмом деления всех явлений на правовые и неправовые, в своих работах использует З. Георгиева⁸.

Следует заметить, что теоретики права уже неоднократно выделяли в современном позитивизме такое его направление, как «мягкий позитивизм». В настоящее время данную точку зрения разделяет старший научный сотрудник ИГиП РАН Н. В. Варламова⁹.

⁶ Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 108.

⁷ См.: Weil P. Vers une normativité relative en droit international? // RGDIP. 1982. № 86. P. 5–47.

⁸ См.: Georgieva Z. Soft Law in EU Competition Law and its Judicial Reception in Member States: A Theoretical Perspective. German Law Journal. 2015. No 16(2), P. 223–260.

⁹ Варламова Н. В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166.

Анализируя различные в теории права точки зрения на предмет юридического позитивизма, профессор П. П. Баранов пришел к выводу, что часть ученых старается синтезировать положения юридического позитивизма с естественно-правовой концепцией, выстраивая так называемую концепцию «мягкого позитивизма», который допускает моральную оценку позитивного права ...»¹⁰. Более того, данные идеи были закреплены в нормах Конституции Российской Федерации, где в ч. 2 ст. 17 говорится, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения», и сегодня их разделяют многие ученые-юристы.

Сказанное всецело опровергает мысль о том, что «мягкое» право – это феномен исключительно международного права.

Для полного снятия определенной «завесы» с понятия «мягкое право» необходимо уточнить, что сама доктрина «soft» law является весьма «гибкой», поскольку включает в себя не только декларативные, отсылочные, а также рекомендательные нормы, зафиксированные в международных договорах, но и нормы кодексов, стандартов различных органов и организаций, которые закрепляют в основном рекомендательные либо управомочивающие нормы различных отраслей права, предписания, которые теоретики права традиционно называют диспозитивными нормами, т. е. предписания, не обладающие обязательной силой закона.

По нашему мнению, появление концепции «soft» law имеет определенные положительные моменты, поскольку генезис новых общественных отношений приводит к тому, что различные группы отношений в социуме, нуждающиеся в правовом воздействии, в их цивилизованном упорядочивании, в связи с большой регулятивной нагрузкой на публичные органы власти в государстве, а также в связи с развитием международных общественных организаций и разнообразных институтов гражданского общества предполагают их участие в правовой регуляции при делегации им нормотворческих полномочий от государственных структур.

Таким образом, в регуляции общественных отношений мы видим две полярные тенденции. Первая – это юридизация, т. е. активное принятие и применение в процессе регуляции важных

¹⁰ Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 10.

отношений в социуме таких источников (форм) права, как законы и конкретизирующие их нормативные положения подзаконных актов. Другая тенденция – саморегуляция общественных отношений корпорациями, общественными организациями и другими субъектами. Такой противоположный юридизации процесс можно назвать антиюридизацией.

В чем же заключается положительное значение данного процесса? Антиюридизация прежде всего проявляется в «мягких» моделях правового регулирования, она не только «разгружает» государство от реализации нормотворческих функций, но и содействует детерминации институтов гражданского общества и их регулятивного потенциала. В этом отношении следует согласиться с мнением авторов монографии «Гражданское общество: этика публичных арен», которые определили следующую правовую закономерность: «По мере становления и развития гражданского общества простой социум заменяется сложным, происходит качественное изменение границ выбора и поля возможностей выбора»¹¹.

Примером реализации данной модели на практике является Сингапур, который реально достиг серьезных успехов в разработке и применении систем ИИ. Э. В. Горян, исследуя проблемы правового регулирования в сфере ИИ в Сингапуре, пришла к довольно интересным обобщающим выводам. Она пишет: «Правовое регулирование использования искусственного интеллекта в Сингапуре носит спорадический характер: существующие отраслевые нормативно-правовые акты применяются к разным аспектам использования технологий. Многочисленные проекты и инициативы государства направлены на саморегулируемость процессов путем широкого вовлечения всех заинтересованных субъектов (частного и публичного секторов»¹².

Результаты данного исследования позволяют сделать вывод о том, что в национальной системе Сингапура органы государственной вла-

сти, выбрав «мягкую» модель, добились значительных успехов. Неоспоримо и первенство Сингапура в разработке, уже можно сказать, всемирно признанной Рамочной модели управления ИИ (англ. Model AI Governance Framework), которая с 2019 г. стала важным базовым документом Центра четвертой индустриальной революции ВЭФ (англ. Centre for the Fourth Industrial Revolution), так как активно применяется при разработке Руководства по внедрению и самооценке для организаций¹³.

Успехи в разработках и регуляции ИИ подтверждает и рейтинг электронных правительств известного частного японского Университета WASEDA, согласно которому Сингапур занимает почетное второе место, за ним в рейтинге идут Великобритания и США. Россия в этом рейтинге занимает 26-е место¹⁴.

Пятого июля 2021 г. в Москве прошла научно-практическая конференция «Участие общественных институтов в нормотворческой деятельности, связанной с внесением изменений в Конституцию Российской Федерации: итоги и перспективы». Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т. Мерзлякова в своем выступлении предложила «вместо излишнего государственного регулирования институтов гражданского общества доверить самому гражданскому обществу разобраться внутри собственных проблем, дать возможность сделать свое сообщество профессиональнее, авторитетнее»¹⁵.

Сразу возникает важный вопрос: как быть в этой связи с правовым регулированием ИИ? Можно ли полностью доверить его корпорациям, субъектам, участвующим в разработке и применении ИИ?

Обращение к изучению западного опыта в сфере ИИ показало, что его не так много, поэтому говорить о перспективах правового регулирования нужно, на наш взгляд, сдержанно, без

¹¹ Бахитановский В. И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество : этика публичных арен : монография. Тюмень, 2004. С. 11.

¹² Горян Э. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в финансово-банковском секторе : опыт Сингапура // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2020. Т. 12, № 3. С. 96.

¹³ См.: Companion to the Model AI Governance Framework – Implementation and SelfAssessment Guide for Organizations // Personal Data Protection Commission Singapore. URL: <http://go.gov.sg/ISAGO> (дата обращения: 19.03.2023).

¹⁴ WASEDA университет. Институт цифрового правительства. URL: https://idgwaseda.jp/pdf/2021_Digital_Government_Ranking_Report_part_I.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 21.12.2021).

¹⁵ URL: https://ombudsman.midural.ru/news/show/id/5510/news_category/61 (дата обращения: 02.04.2023).

лишних деклараций и эмоций, поскольку регуляция в сфере этики при работе с ИИ началась на Западе только несколько лет назад и нет еще достаточного научного анализа и правоприменительной практики по данному вопросу.

Между тем на 31-м пленарном заседании Европейская комиссия по эффективности правосудия Совета Европы 3–4 декабря 2018 г. приняла Европейскую этическую хартию об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях¹⁶, чем фактически институционализовала установление «мягкой» модели правового регулирования в сфере ИИ.

Второй вариант регуляции представляет собой группу моделей правового регулирования в сфере ИИ, которую называют «жесткой», либо «твердой». Также ее вполне можно назвать «классической», поскольку содержание данной модели составляют в основном обязывающие и запрещающие нормы, если пользоваться классификацией норм права по характеру, а также по способам правового регулирования. Главными формами такого регулирования являются международные договоры, технические стандарты и нормативные правовые акты, в основном в виде (форме) законов. Специалистам известно, что в данном варианте регуляции преобладают императивные методы правового регулирования, характеризующиеся использованием обязательных властных норм права, поддерживаемых в случае их нарушения принудительной силой государства. Кроме того, применяются такие способы правового регулирования, как запреты (уголовные, административные, дисциплинарные и др.). Характерное свойство (признак) правовых норм, созданных императивным методом, – они написаны так, что от их исполнения субъектам правовых отношений невозможно отказаться, не нарушая конкретные правовые предписания.

Ряд ученых считает, что классической страной, где действует «твердая» модель правового регулирования является КНР. В июле 2017 г. в Китае был утвержден План развития искусственного интеллекта нового поколения, который предусматривал серьезные трансформации в различных сферах хозяйствования и безопасно-

сти страны¹⁷. В частности, в нем отмечалось, что к 2025 г. в КНР должна завершиться разработка законов и нормативных актов по ИИ и внедрение этических норм, а также методов оценки и контроля безопасности ИИ, а к 2030 г. Китай должен стать главным мировым центром инноваций в области искусственного интеллекта.

Реализация данного плана не заставила себя долго ждать, поскольку в 2021 г. был принят кодекс «Спецификации этики искусственного интеллекта нового поколения». В 2022 г. в г. Шеньчжэнь «принят первый в Китае законодательный акт муниципального уровня, направленный на ускорение разработок технологий искусственного интеллекта (ИИ), – сообщает South China Morning Post»¹⁸. Однако данный факт уже ставит под сомнение применение в Китае «жесткой» модели правового регулирования в сфере ИИ, поскольку наблюдается определенный переход к «смешанной» модели.

Большинство реформ, проводимых в Китае в сфере разработки и применения ИИ и его правовой регуляции, связано с реализацией в США так называемой «третьей стратегии компенсации», направленной на завоевание военно-технического превосходства над КНР¹⁹. В связи с этим руководство Китая жестко контролирует разработку и применение в оборонной промышленности страны современных технологий ИИ, что лишним раз подтверждает идею о применении в стране «твердой» модели правового регулирования. Этому способствует и установленный в Поднебесной авторитарный политический режим.

Третья модель правового регулирования в сфере ИИ, как уже было замечено, носит название «смешанной». В ней используются как рекомендательные нормы общественных организаций, так обязывающие и, конечно, запрещающие нормы права, которые исходят от государственных органов.

¹⁷ 新一代人工智能发展计划 // 国发. 2017. 35号 (План развития искусственного интеллекта нового поколения // Государственный комитет по развитию и реформам. 2017. № 35). (На кит. яз.).

¹⁸ URL: <https://d-russia.ru/v-kitae-vpervye-regulirovanie-razrabotki-ii-sistem-podderzhano-regionalnym-akonodatelstvom.html> (дата обращения: 02.04.2023).

¹⁹ См.: *Кашин В. Б.* Китайские реформы систем управления военными инновациями: ответ на американскую «третью стратегию компенсации»? // Вестник Московского ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 42–66.

¹⁶ URL: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4> (дата обращения: 02.04.2023).

Примером может служить южнокорейская модель, которая, как подчеркивает в коллективной монографии профессор С. Ю. Кашкин, «...стремится совмещать как мягкое право в виде этических рекомендаций, так и обязательные для исполнения законы»²⁰.

Говоря о западных моделях, следует отметить, что ярким примером реализации «смешанной» модели является Европейский союз, в котором первоначально была взята на вооружение «мягкая» модель правового регулирования ИИ, но уже в мае 2018 г., как отмечает С. Ю. Кашкин, «...Союз переключился на обновленные законодательные единые правила обработки персональных данных, которые установлены Общим регламентом по защите данных». Ученый сделал вывод о том, что «европейская интеграционная модель правового регулирования использования технологий ИИ и робототехники меняется в своем развитии от необязательных рекомендаций к гармонизирующим директивам, а от них – к унифицирующим эту сферу общественных отношений обязательным регламентам, соответствующим понятию закона, используемого во внутреннем праве государства»²¹.

Как утверждает ученый из Республики Казахстан Ж. У. Тлембаева: «Новый подход ЕС к нормативному регулированию искусственного интеллекта, в отличие от американского, где “все решает бизнес”, и китайского, где “все решает государство”, иногда в ущерб интересам потребителей базируется на смешанном использовании юридических норм, саморегуляции и контроля со стороны гражданского общества»²².

Благодаря положительному опыту ЕС может показаться, что «смешанная» модель правового регулирования ИИ является наиболее оптималь-

ной с точки зрения взаимодействия, определенного «согласования воле» различных государственных органов и институтов гражданского общества в лице бизнес-структур. Однако сегодня мы с абсолютной уверенностью не можем сказать, что такая модель правового регулирования является вполне приемлемой для правовой регуляции ИИ.

Рассмотрев существующие модели правового регулирования в сфере ИИ, необходимо дать ответ на важный вопрос: какая из перечисленных моделей является наиболее оптимальной? Данная проблема актуализируется не только в связи с поиском правовых инструментов при упорядочении деятельности, связанной с разработкой и применением различных систем ИИ, но и с необходимостью построения современной, стройной, научно и методологически обоснованной концепции государственной прототворческой политики в данной сфере.

Дать четкий и однозначный ответ на поставленный вопрос будет непросто. Это обусловлено главным образом тем, что у России, как и у западных развитых стран, еще не накоплен и достаточно не проанализирован опыт в данной сфере регуляции. В связи с этим значительное количество ученых-юристов поддерживают идею об использовании «твердой» модели правового регулирования ИИ. Например, профессор Н. Ф. Попова предлагает «принять отдельный федеральный закон об использовании роботов в РФ и для его реализации пакет подзаконных актов», а также «установить правовой статус субъектов, принимающих участие в отношениях, связанных с применением роботов, объектов робототехники, AI-технологий»²³.

Может показаться, что такой подход является вполне приемлемым, оптимальным с точки зрения реализации теории законности, разделяемой большинством теоретиков права. Однако несостоятельность данного предложения на сегодняшний момент заключается прежде всего в том, что государство совместно с AI-компаниями, крупными корпорациями, ведущими вузами и банковским сектором уже выбрало «мягкую» модель правового регулирования ИИ, приняв Кодекс этики в сфере искусственного интеллект-

²⁰ Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии : монография / под общ. ред. В. В. Блажеев, М. А. Егоровой. М., 2022. С. 209.

²¹ См.: Кашкин С. Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях : постановка проблемы // Вестник Российского нового университета. Серия : Человек и общество. 2019. № 3. С. 134–144.

²² Тлембаева Ж. У. О некоторых вопросах правового регулирования использования технологии искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 339.

²³ Попова Н. Ф. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. / под ред. Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М., 2022. Т. VIII: Административное право в системе современного российского права С. 369.

та. Однако, это не говорит о том, что Россия в плане правовой регуляции в сфере ИИ не может перейти в дальнейшем, учитывая возникшие проблемы и риски, к другим моделям правового регулирования.

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: необходимость принятия, положительные и отрицательные моменты

В научной литературе неоднократно звучали призывы к правовой регуляции в сфере ИИ. В совместной статье И. В. Понкин и А. И. Редькина справедливо указали, что «на федеральном уровне обозначенная проблема до сих пор не урегулирована. Общемировой сегодня является проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий искусственного интеллекта. Лишь отдельные государства понемногу начинают заполнять нормативным материалом отдельные каверны этого, в целом пробельного, поля, но рассматриваемая проблема не связана рамками национального государства»²⁴.

Несмотря на определенный выбор в правовом регулировании ИИ, Россия предпочла путь «мягкой» модели регуляции отношений в сфере ИИ.

При этом выбор не только государства, но и IT-корпораций в пользу принятия «мягкой» модели основывался также и на неоднократных призывах российских ученых, предлагающих использовать этические кодексы. Например, С. И. Конев и Б. А. Цокова, рассмотрев в своей статье этические проблемы ИИ, пришли к выводу о необходимости отражения данных проблем в праве. Они предложили разработать принципы ИИ, «политику использования ИИ или этические кодексы». При этом авторы прозорливо заметили, что «приниматься они могут как государством, так и корпорациями – разработчиками ИИ»²⁵.

²⁴ Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 93.

²⁵ Конев С. И., Цокова Б. А. Этико-правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта и робототехники в отечественном и зарубежном праве // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 71.

На практике так и получилось. 26 октября 2021 г. на международном форуме «Этика искусственного интеллекта: начало доверия» заинтересованные стороны подписали Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Данный документ был принят в рамках федерального проекта «Искусственный интеллект». Фактически он стал частью Стратегии развития информационного общества на 2017–2030 гг.²⁶

Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта состоит из 33 пунктов, закрепляющих базовые принципы жизни в новой реальности, в которой человек окружен цифровыми технологиями, платформами, роботами. Чем была обусловлена необходимость принятия данного акта?

1. Наличием пробела в российском законодательстве в сфере создания, внедрения и использования технологий ИИ. Известно, что проект Федерального закона «Об искусственном интеллекте» так и не был принят. Однако 24 апреля 2020 г. был принят Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”». Данный закон установил экспериментальный правовой режим (далее – ЭПР) сроком на пять лет и определил цель, задачи и основные принципы его установления. Данным законом правительство Москвы было наделено полномочиями по определению условий и порядка разработки и реализации технологий ИИ, а также порядка использования результатов его применения.

2. Необходимостью проводить оценку возможных рисков применения ИИ, куда следует включать в первую очередь социальные последствия для человека, а во вторую – негативные последствия для государства и общества, его целей и ценностей. В связи с этим возникает проблема нахождения способов управления рисками в данной сфере, поскольку грамотное управление рисками – это залог принятия верных управленческих решений, при которых неблагоприятные факторы и их возможные последствия будут минимизированы. Таким образом,

²⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 15 мая 2017 г. № 20. Ст. 2901.

актуализируется серьезная управленческая проблема разработки методики оценки рисков систем ИИ на имеющейся научной основе.

3. Необходимостью консолидирования в профессиональное сообщество лиц, связанных с разработкой, внедрением и деятельностью систем искусственного интеллекта (далее – СИИ). Такое сообщество позволит субъектам обмениваться имеющимися у них знаниями, положительным опытом, навыками работы в сфере ИИ, разрешения конфликтов с клиентами, потребителями и преодоления иных возникающих проблем. Когда корпорация либо другой субъект входит в профессиональное сообщество, то ему, как правило, предоставляются новые возможности для экономического роста, антикоррупционного комплаенса²⁷, открывается широкий спектр обмена документами, экспертными и правовыми знаниями. Эти знания помогают решать не только различные технические задачи в области разработки, совершенствования и применения ИИ, но и предотвращать программируемые и непредусмотренные аналитиками компании риски и правовые конфликты, что способствует модернизации корпораций, входящих в профессиональное сообщество, их прогрессивному развитию и совершенствованию.

4. Возникающими угрозами контента, который может нанести вред детям, их здоровью и развитию, формированию моральных принципов, а также иным слоям населения.

Глава SpaceX, Tesla и Twitter Илон Маск, представитель и сооснователь Apple Стив Возняк, а также более тысячи различных экспертов и руководителей отрасли по развитию ИИ в конце марта 2023 г. «подписали открытое письмо с призывом приостановить разработку продвинутого ИИ до тех пор, пока не будут созданы, внедрены и проверены независимыми экспертами общие протоколы безопасности»²⁸.

²⁷ Об антикоррупционном комплаенсе см.: Арзамасов Ю. Г. *Комплаенс как вид антикоррупционного мониторинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Ч. 2. Барнаул, 2022. С. 6–8 ; Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации : междисциплинарные аспекты. М., 2020 ; Яни П. С., Прохоров Н. В. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере : содержательный элемент // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 54–57.*

²⁸ URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486841-mask-i-voznak-prizvali-priostanovit-obucenie-sistem-ii-iz-za-riska-dla-obsestva> (дата обращения: 30.03.2023).

Интересна природа Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта. Несмотря на то что в его названии присутствует слово «кодекс», он не является классическим кодексом, построенным по пандектной системе, т. е. кодифицированным законом, состоящим из определенных частей, разделов и глав, поскольку распространяется только на субъектов СИИ и содержит в основном рекомендации тем субъектам, которые добровольно присоединятся к нему, написав заявление в Комиссию по реализации Кодекса в сфере этики искусственного интеллекта и будут внесены в Реестр так называемых «актеров» ИИ.

С другой стороны, увидев среди подписантов этого документа много различных корпораций (ООО, IT-компаний), можно прийти к выводу о том, что данный документ следует рассматривать как определенный вид корпоративных соглашений. При этом корпоративное соглашение должно прежде всего не отдавать приоритеты целесообразности, а соответствовать законодательству.

Конечно, правовые акты любого органа власти, юридического лица, объединений граждан и других субъектов правовых отношений должны соответствовать нормам законов, а при федеративной форме правления – приниматься на основе и в соответствии не только с федеральными, но региональными законам. Нелишним будет вспомнить слова профессора В. С. Афанасьева, который несколько лет руководил кафедрой социалистической законности органов внутренних дел в Академии МВД СССР. Соединив различные в общей теории права подходы к пониманию законности, он предложил следующее комплексное (синтетическое) понятие: «Законность можно определить как принцип, метод и режим строгого, неуклонного соблюдения, исполнения норм права всеми участниками общественных отношений (государством, его органами, общественными и иными организациями, трудовыми коллективами, должностными лицами, гражданами – всеми без исключения)»²⁹.

Рассматриваемый нами Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта содержит «первичные» нормы, поскольку на сегодняшний день отсутствует Федеральный закон «Об искусствен-

²⁹ *Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 180.*

ном интеллекте». Поэтому здесь мы видим реализацию именно «мягкой» модели правового регулирования в сфере ИИ.

Подробный анализ субъектного состава подписантов кодекса позволяет нам сделать вывод о том, что данный документ назвать корпоративным актом тоже нельзя, поскольку его авторами выступают не только корпорации и их объединения, такие как Альянс в сфере искусственного интеллекта РФ, но и правительственные структуры, например Аналитический центр при Правительстве РФ, а также федеральный орган исполнительной власти – Министерство экономического развития РФ. Более того, саму идею составления морально-нравственного кодекса в сфере ИИ подал Президент РФ В. В. Путин, выступая 4 декабря 2020 г. на пленарном заседании международной онлайн-конференции AI Journey³⁰.

Проблема принятия российскими корпорациями этических кодексов в науке в целом актуализировалась, например, И. Л. Шевченко отмечал, что «в части разработки и внедрения этических кодексов многие отечественные компании пока еще заметно отстают от передовых в плане корпоративного управления компаний»³¹. Президент РФ не просто конкретизировал данную проблему, но и указал конкретный путь ее решения, итогом чего стала церемония подписания анализируемого кодекса, в которой приняло участие Правительство РФ в лице вице-преьера Д. Н. Чернышенко, Совет Федерации Федерального Собрания РФ, «Ростелеком», «Яндекс», «Сколково», InfoWatch, НИУ «Высшая школа экономики», «Сбербанк», «МТС», VK, «Газпром нефть», «Российский фонд прямых инвестиций» и др. Всего документ подписали около двух десятков компаний.

В связи с принятием данного кодекса ректор НИУ «Высшая школа экономики» Н. Ю. Анисимов подчеркнул: «Проблемы, связанные с этической стороной его функционирования, становятся все более актуальными. Поэтому лучше уже сейчас выработать общие правила и подходы к регу-

лированию всего спектра вопросов, связанных с ИИ»³².

Как мы видим, в подписании документа участвовали, помимо представителей бизнеса, банков, корпораций, IT-компаний, также органы государственной власти, а значит, его нельзя называть и «межкорпоративной хартией». Получается, что по своей природе Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта является совершенно новым, можно сказать уникальным, документом – «смешанным» актом регуляции, у которого нет аналогов в Российской Федерации.

Несмотря на то что впервые термин «смешанный акт» был использован в еще в 1960 г. профессором-административистом Ц. А. Ямпольской³³, правовая природа подобных актов исследована еще недостаточно. Более того, о таких «смешанных» актах, как этические кодексы, ни административисты, ни теоретики права не писали вообще и, как показывает анализ научной литературы, даже не относили их к «смешанным» правовым актам. Между тем в общей теории права уже начинает доминировать «широкая» трактовка понимания «смешанных» правовых актов, которые представляют собой документы, закрепляющие не только правовые нормы и индивидуальные предписания, но и иные нормы (моральные, политические, в теократических и клерикальных государствах – религиозные нормы), а также статистические данные, философские рассуждения и т. п.³⁴

Плюсы и минусы российской модели правового регулирования в сфере искусственного интеллекта

Проведя анализ моделей правового регулирования в сфере ИИ в России и за рубежом, а также норм Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, можно выделить следующие положительные моменты, связанные с его принятием.

1. В разработку проекта кодекса были включены не только государственные структуры, но

³⁰ Россия будет контролировать создание «сверхразума». URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2021/10/26/892915-sozdanie-sverhrazuma> (дата обращения: 21.12.2021).

³¹ Шевченко И. Л. Корпоративная культура как механизм корпоративного управления в российских компаниях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10, № 4. С. 118.

³² В России при участии ВШЭ разработан и подписан Кодекс этики искусственного интеллекта. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/522677221.html> (дата обращения: 21.12.2021).

³³ См.: Ямпольская Ц. А. О правовых актах Совета народного хозяйства // Сов. гос. и право. 1960. № 11. С. 87.

³⁴ См.: Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты: монография. Владимир, 2010; Арзамасов Ю. Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 101–111.

и все заинтересованные субъекты. Фактически мы видим пример осуществления правового краудсорсинга, когда государство не только решает проблему правового регулирования в сфере ИИ, но и призывает к ее решению такие структуры гражданского общества, как общества с ограниченной ответственностью, банковский сектор, корпорации, IT-компании.

Сам термин «краудсорсинг» впервые был предложен писателем и журналистом Джеффом Хау (англ. Jeff Howe) летом 2006 г. Разные направления современного бизнеса быстро освоили и взяли на вооружение его технологии. Однако в современных условиях «краудсорсинг можно рассматривать не только как коммуникативную технологию освоения новых приемов аккумуляции информационного ресурса для извлечения прибыли в бизнесе, но и как социальную технологию, позволяющую решать актуальные социальные проблемы, интенсифицировать перспективные тренды социального развития – как на макро-, так и на микроуровне»³⁵.

2. Разработка кодекса велась прежде всего юристами, специалистами в области создания и деятельности систем ИИ, т. е. профессионалами, действительно разбирающимися в данной проблематике. Фактически здесь был реализован так называемый отраслевой принцип нормотворчества, характеризующийся тем, что нормы разрабатывают те субъекты правовых отношений, которые сами будут их исполнять в дальнейшем. При этом отраслевой принцип имеет как минимум два аспекта. Во-первых, «данный принцип, несомненно, направлен на улучшение содержательной стороны нормативных правовых актов, на повышение их качества»³⁶. Во-вторых, никто, кроме специалистов той или иной корпорации, не знает ее специфики, «поэтому отраслевой принцип имеет широкое распространение»³⁷.

3. Фактически сейчас проходит эксперимент осуществления регулирования общественных отношений в сфере ИИ посредством норм «мягкого» права. В результате будет накоплен определенный опыт, выявлены плюсы и минусы данной модели правовой регуляции. Это позволит

³⁵ Василькова В. В., Кольцов А. И. Краудсорсинг как новая социокоммуникативная технология // Дискуссия. 2015. № 7 (59). С. 80.

³⁶ Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России : монография. М., 2013. С. 97.

³⁷ Там же.

дать ответ на поставленные в начале данной статьи вопросы.

4. Данный документ направлен на повышение уровня правового сознания – правовой идеологии, правовой психологии и, что немаловажно, положительного правового опыта специалистов, проектирующих, создающих и использующих СИИ. Одновременно следует говорить и о повышении правовой культуры. Можно даже сказать, что анализируемый кодекс заложил основы совершенно новой корпоративной культуры, поскольку, как утверждает в своей статье И. Л. Шевченко, опираясь на ряд проведенных научных исследований, «...в большинстве российских компаний на невысоком уровне развития находятся некоторые компоненты корпоративной культуры, которые прямо или косвенно влияют на систему корпоративного управления»³⁸. На современном этапе развития экономики и права на данную проблему следует обращать внимание не только ученым, но и государственным и корпоративным управленцам, поскольку, как показывает практика, в современной России крупные корпорации обладают мощным потенциалом для развития и модернизации как российской экономики, так и социума в целом.

5. Кодекс способствует возникновению важного диалога между «актерами» в сфере ИИ и столь необходимого обмена опытом между ними.

6. Данный документ способствует дальнейшему развитию СИИ на совершенно новой этико-правовой основе, что может способствовать расширению внедрений современных СИИ в нашу жизнь.

7. Вместе с саморегуляцией возникает и партнерский контроль за соблюдением норм кодекса.

Нашему государству предстоит еще многое сделать для перехода к цифровой экономике, цифровому правительству, но главным при этом должен быть человек, его конституционные права и свободы. Системы ИИ должны работать на человека, облегчая его монотонный, рутинный труд, делая его более комфортным и производительным, а не создавать дополнительные трудности и обременения.

Основные аргументы против «мягкой» модели регулирования в сфере искусственного интеллекта

У «мягкой» модели правового регулирования, впрочем как у любой, есть свои адепты и

³⁸ Шевченко И. Л. Указ. соч. С. 119.

оппоненты. Принятие Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта не одобряют многие философы, историки и другие гуманитарии. Что же касается юристов, то их позиции по данному вопросу разнятся. Возражения против «мягкой» модели правового регулирования заключаются в следующем.

1. Большинство философов и социологов считают недопустимым закрепление моральных норм и принципов в форму кодексов, т. е. актов, хотя и не чисто юридических, но по конструкции относящихся практически к нормативным правовым актам, поскольку кодекс – это документ, который традиционно относят к нормативным правовым актам, о чем говорит и структура данного документа, состоящая из разделов и пунктов, определенных аналогов статей нормативных правовых актов.

2. В системе правового регулирования каждый социальный регулятор имеет свою персональную «нишу», свою сферу регуляции, свои источники выражения, свои инструменты воздействия и свои конкретные оценочные категории. Наиболее древними регуляторами общественных отношений во всей многообразной системе нормативного регулирования являются нормы морали и нормы обычаев. Как отмечал в свое время профессор, известный теоретик права Н. И. Матузов, «мораль определяется обычно как известная совокупность исторически складывающихся и развивающихся взглядов, принципов, убеждений и основанных на них норм поведения, регулирующих отношения людей друг к другу, обществу, государству, семье, коллективу, окружающим»³⁹.

Из данного определения явствует, что на основе норм морали люди устанавливают взаимоотношения между собой. При этом главными отличительными особенностями норм морали от права, т. е. правовых писанных норм, являются следующие:

1) нормы права в большинстве случаев исходят от государства в лице его органов публичной власти, а нормы морали рождаются в недрах самого социума, поэтому они, как правило, одобряются и всецело поддерживаются большинством членов общества и нуждаются в одобрении и признании государством. Государство в процессе решения определенных важных для социума задач

может санкционировать моральные нормы и принципы, закрепив их в законодательстве;

2) нормы морали традиционно имеют устный характер. Новейшая история свидетельствует, что различные попытки придать нормам морали определенную писаную форму не увенчались успехом. Ярким примером тому является Моральный кодекс строителя коммунизма, нормы которого знали практически все коммунисты, но мало кто их соблюдал. Между тем в Средние века действовали кодексы чести рыцарей, потом им на смену пришли дуэльные кодексы, нормы которых субъекты конфликтов старались выполнять более строго, чем нормы законодательных предписаний. Конечно, в прошлом понятия чести, совести, исполнения обязанностей подкреплялись высокой нравственностью людей, их порядочностью;

3) у права и морали различные ценностные категории. У морали – это «добро» и «зло», «справедливость» – «несправедливость», «правильно» – «неправильно», «порядочно» – «непорядочно». У права – «законно» – «незаконно», «правомерно» – «неправомерно», «легитимно» – «нелегитимно».

3. В документе имеются серьезные технико-правовые дефекты. При этом в методологическом плане мы не ставим вопрос о дефектах «широко», т. е. в плане механизма правового регулирования, или механизма действия права, как его называют сейчас современные исследователи⁴⁰, говоря о дефектах в выборе правового регулятора, или анализа определенных дефектов, характерных для стадий нормотворческого процесса, или как нарушение оптимального баланса интересов общества и государства, как считает М. С. Матейкович⁴¹, поскольку в данном конкретном случае мы придерживаемся «узкого» понимания технико-правовых дефектов.

Однако в юридической литературе существует и «узкий» подход к пониманию дефектов, когда данное понятие связывают только с недостатками норм права в определенной отрасли права⁴². В данном случае под дефектами следует по-

⁴⁰ См.: Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023.

⁴¹ См.: Матейкович М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15.

⁴² См.: Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. Научные труды МГЮА. 2007. № 4. С. 610–622.

³⁹ Матузов Н. И. Лекция 7. Право в системе социальных норм // Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

нимать такие акты, которые приняты с нарушением и не соответствуют правилам, приемам и применяемым в нормотворческой деятельности средствам нормотворческой юридической техники. Так, например, проведенный анализ показал, что пункт, закрепляющий правовые основы Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта следовало бы поместить в начало документа, как это принято в американских юридических конструкциях законов.

Кроме этого, в документе используются неюридические термины, которые с успехом можно заменить уже признанными практически среди всех юристов специально-юридическими терминами. К примеру, вместо термина «субъекты» правовых отношений в кодексе был использован термин «акторы», не вполне ясный и понятный с точки зрения юридического языка. Как известно, юридическая терминология – это такое средство нормотворческой юридической техники, «с помощью которого конкретные понятия приобретают словесное выражение в тексте нормативного правового акта»⁴³, поэтому используемые в документах термины должны быть понятными.

4. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта дает большие полномочия в сфере формирования и осуществления политики регулирования ИИ крупным корпорациям и IT-компаниям, которые могут «забрать» у государства функцию правового регулирования наиболее важных общественных отношений, а также подчинить своему влиянию и контролю предприятия среднего и малого бизнеса, связанные с разработкой и внедрением ИИ. Как видим, такая опасность есть, она прогнозируема и ее нельзя сбрасывать со счетов.

Правильность выбора модели регулирования отношений в сфере ИИ покажет время. Главное, что процесс данных отношений регуляции запущен.

Выявив плюсы и минусы существующих моделей регулирования в сфере ИИ, определив страны, где они применяются, проведя их сравнительный анализ с результатами рейтинга цифрового правительства, рассчитанного Университетом WASEDA и Международной академией управления правового регулирования в

сфере разработки и управления искусственным интеллектом, мы установили, что наиболее серьезных успехов в цифровизации добились те страны, где применяется либо применялась «мягкая модель» регулирования ИИ. В связи с этим можно сделать вывод: на современном этапе цифровизации нашего государства следует использовать именно «мягкую» модель регулирования в сфере ИИ.

С другой стороны, исследование показало, что большое влияние на формирование модели правового регулирования ИИ оказывают особенности национальных правовых систем и политический режим, установленный в государстве. Если в КНР сильны государственные институты, в том числе и в оборонно-промышленном комплексе, то они и определяют нормотворческую политику в сфере ИИ, иными словами, правовые приоритеты в регуляции отношений в сфере ИИ, и, наоборот, в странах с сильным бизнес-сообществом, сформированными и успешно действующими институтами гражданского общества превенции отдаются «мягкой» модели правового регулирования в сфере ИИ.

Однако здесь прослеживается еще одна немаловажная закономерность. Государства, независимо от политического (государственного) режима, авторитарный он или демократический, а также от устоявшихся правовых традиций (идеологии, приоритетов в выборе источников (форм права) и т. д.), в правовой регуляции ИИ переходят к «смешанным» моделям правового регулирования, при этом переход к таким моделям в европейских странах происходил от «мягкой» модели, а в КНР и ряде других стран – от «жесткой». Это говорит о том, что происходит определенная интеграция в правовом регулировании путем согласования воле государственных структур, занимающихся проблемами ИИ, в-первую очередь, с бизнес-структурами и банковским сектором, вкладывающими огромные ресурсы (финансовые, интеллектуальные, кадровые) в разработку и внедрение новых систем ИИ, во-вторую – с институтами гражданского общества, пользующимися технологиями ИИ, в-третью, с институтами гражданского общества, контролирующими применение ИИ.

Россия в плане правовой регуляции в сфере ИИ в дальнейшем, учитывая возникшие проблемы и риски, может перейти к другим моделям правового регулирования. Главное для научной юридической общественности, выбрав верную

⁴³ Нормография : теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 124.

методологию, взвесив все «за» и «против», сделал правовые прогнозы, разработать такую модель правового регулирования, которая бы не просто отвечала требованиям нормотворческой юридической техники, но и способствовала развитию научного прогресса, безопасности государства, установлению партнерских отношений государства с бизнес-структурами и другими институтами гражданского общества.

На поставленный нами в начале этой работы вопрос, возможно ли создать оптимальную модель правового регулирования ИИ, проведенное исследование позволяет дать следующий ответ. Оптимальной модели, применяемой в государствах с фактически полярными политическими режимами, различными правовыми системами, без учета их признаков, правового опыта и традиций, без серьезного исследования особенностей структуры государства, его политического курса, без учета структуры гражданского общества создать невозможно. В то же время одна и та же модель в одной правовой системе может работать продуктивно, без нареканий, способствуя развитию новых технологий ИИ, а в другой станет давать серьезные сбои либо действовать идеально только до определенного момента (политического, экономического, нового витка научного прогресса), после чего ее необходимо будет модернизировать или менять полностью.

Таким образом, оптимальная модель правового регулирования может быть только на бумаге, когда мы говорим о ее соответствии правилам, приемам и средствам нормотворческой юридической техники, политическим и экономическим прогнозам ученых и т. п., поскольку реальная жизнь может внести в эту модель массу коррективов.

Библиографический список

Арзамасов Ю. Г. Комплексный подход к определению искусственного интеллекта // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия : Право. 2022. № 3 (50). С. 242–262.

Арзамасов Ю. Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России : монография. М., 2013.

Арзамасов Ю. Г. Юридические конструкции смешанных ведомственных правовых актов // Юридическая техника. 2013. № 7, ч. 2. С. 101–111.

Арзамасов Ю. Г. Комплаенс как вид антикоррупционного мониторинга // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правона-

рушениями. Ч. 2. Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2022. С. 6–8.

Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Концепция мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011.

Арзамасов Ю. Г., Наконечный Я. Е. Мониторинг в правотворчестве : теория и методология. М., 2009.

Бакистановский В. И., Согомонов Ю. В. Гражданское общество : этика публичных арен : монография. Тюмень : НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004. С. 11.

Баранов В. М., Мушинский М. А. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегород. академии МВД России. 2011. № 1. С. 79–88.

Баранов П. П. Легистский позитивизм в современной России // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 1. С. 9–15.

Бачило И. Л. Правовой мониторинг – информационный ресурс для оздоровления законотворчества // Труды Института государства и права РАН. 2009. № 5. С. 185–204.

В России при участии ВШЭ разработан и подписан Кодекс этики искусственного интеллекта. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/522677221.html> (дата обращения: 21.12.2021).

Варламова Н. В. Юридический позитивизм и права человека // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 156–166.

ВАСЕДА университет. Институт цифрового правительства. URL: https://idgwaseda.jp/pdf/2021_Digital_Government_Ranking_Report_part_I.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 21.12.2021).

Василькова В. В., Кольцов А. И. Краудсорсинг как новая социокоммуникативная технология // Дискуссия. 2015. № 7 (59). С. 78–84.

Гармаев Ю. П., Иванов Э. А., Маркунцов С. А. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации : междисциплинарные аспекты. М. : Юриспруденция, 2020.

Горян Э. В. Перспективы использования искусственного интеллекта в финансово-банковском секторе : опыт Сингапура // Территория новых возможностей. Вестник Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса. 2020. Т. 12, № 3. С. 86–99.

Кашин В. Б. Китайские реформы систем управления военными инновациями : ответ на американскую «третью стратегию компенсации»? // Вестник Моск. ун-та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2017. № 4. С. 42–66.

Кашкин С. Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных

объединениях: постановка проблемы // Вестник Рос. нового ун-та. Серия: Человек и общество. 2019. № 3. С. 134–144.

Кивленок Т. В. Смешанные правовые акты : монография. Владимир, 2010.

Конев С. И., Цокова Б. А. Этико-правовые проблемы регулирования искусственного интеллекта и робототехники в отечественном и зарубежном праве // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 68–73.

Кутафин О. Е. Пробелы, аналогия и дефекты в конституционном праве // Lex Russica. Научные труды МГЮА. М. : Изд-во МГЮА. 2007. № 4. С. 610–622.

Матейкович М. С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21.

Нешатаева Т. Н. Международные организации и право. Новые тенденции в международно-правовом регулировании. М., 1998. С. 108.

Нормография : теория и технология нормотворчества : учебник для вузов / Ю. Г. Арзамасов [и др.] ; под ред. Ю. Г. Арзамасова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020.

Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994.

Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

Понкин И. В., Редькина А. И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Рос. ун-та дружбы народов. Серия : Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 93.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в условиях пандемии и инфодемии : монография / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2022.

Правовой мониторинг : научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М., 2009.

Редько А. А. Правовая инициатива в механизме действия современного российского права : дис. д-ра юрид. наук. Волгоград, 2023.

Сунгуров А. Ю., Тиняков Д. К. Административная реформа и ее проекты в современной России : были ли коалиции поддержки? // Общественные науки и современность. 2016. № 2. С. 39–51.

Тихомиров Ю. А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3.

Тлембаева Ж. У. О некоторых вопросах правового регулирования использования технологии искусственного интеллекта в условиях цифровой трансформации // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 4 (47). С. 331–349.

Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : монография : в 12 т. / под ред. Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М. : Юрлитинформ,

2022. Т. VIII : Административное право в системе современного российского права.

Харитонова Ю. С. Правовое регулирование применения технологии искусственного интеллекта // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1-2. С. 72–80.

Черногор Н. Н., Залоило М. В. Правовой мониторинг : инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Моск. гос. обл. ун-та. 2018. № 3. С. 8–21.

Шевченко И. Л. Корпоративная культура как механизм корпоративного управления в российских компаниях // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10, № 4. С. 116–121.

Ямпольская Ц. А. О правовых актах Совета народного хозяйства // Советское государство и право. 1960. № 11. С. 86–93.

Яни П. С., Прохоров Н. В. Антикоррупционный комплаенс в уголовно-правовой сфере : содержательный элемент // Российская юстиция. 2018. № 9. С. 54–57.

Companion to the Model AI Governance Framework – Implementation and SelfAssessment Guide for Organizations // Personal Data Protection Commission Singapore. URL: <http://go.gov.sg/ISAGO> (дата обращения: 19.03.2023).

Georgieva Z. Soft Law in EU Competition Law and its Judicial Reception in Member States: A Theoretical Perspective // German Law Journal. 2015. No. 16 (2). P. 223–260.

Gold J. Strengthening the Soft International Law of Exchange Arrangements // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77, no. 3. P. 443–489.

Schwarzenberger G. Power Politics // A Study of World Society. L., 1964. 154 p.

Weil P. Vers une normativité relative en droit international? // RGDIP. 1982. № 86. P. 5–47.

Wu F. Towards a new generation of artificial intelligence in China // Nature Machine Intelligence. 2020. Vol. 2, no. 6. P. 312–316.

References

Arzamasov Yu. G. An integrated approach to the definition of artificial intelligence // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2022. No. 3 (50). P. 242–262.

Arzamasov Yu. G. Theory and practice of departmental rule-making in Russia : monograph. Moscow, 2013.

Arzamasov Yu. G. Legal constructions of mixed departmental legal acts // Legal technique. 2013. No. 7, part 2. P. 101–111.

Arzamasov Yu. G. Compliance as a type of anti-corruption monitoring // Actual problems of combating crimes and other offenses. Part 2. Barnaul : Barnaul

Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2022. P. 6–8.

Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. The concept of monitoring normative legal acts. Moscow, 2011.

Arzamasov Yu. G., Nakonechny Ya. E. Monitoring in lawmaking: theory and methodology. Moscow, 2009.

Bakhtanovsky V. I., Sogomonov Yu. V. Civil society: ethics of public arenas : monograph. Tyumen : Research Institute of Applied Ethics of TSOGU, 2004. P. 11.

Baranov V. M., Mushinsky M. A. Monitoring the defectiveness of normative legal acts // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1. P. 79–88.

Baranov P. P. Legist positivism in modern Russia // Severo-Caucasian Legal Bulletin. 2015. No. 1. P. 9–15.

Bachilo I. L. Legal monitoring – an information resource for improving lawmaking // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2009. No. 5. P. 185–204.

In Russia, with the participation of the HSE, the Code of Ethics of Artificial Intelligence was developed and signed. Available from: <https://www.hse.ru/news/expertise/522677221.html> (accessed: 12.21.2021).

Varlamova N. V. Legal positivism and human rights // Social sciences and modernity. 2008. No. 1. P. 156–166.

WASEDA University. Institute of Digital Government. Available from: https://idgwaseda.jp/pdf/2021_Digital_Government_Ranking_Report_part_I.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op, sc (accessed: 21.12. 2021).

Vasilkova V. V., Koltsov A. I. Crowdsourcing as a new socio-communicative technology // Discussion. 2015. No. 7 (59). P. 78–84.

Garmaev Yu. P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects. Moscow, Jurisprudence, 2020.

Goryan E. V. Prospects for the use of artificial intelligence in the financial and banking sector: Singapore experience // The territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2020. Vol. 12, no. 3. P. 86–99.

Kashin V. B. Chinese reforms of military innovation management systems: a response to the American "third compensation strategy"? // Bulletin of the Moscow University. Series 25: International relations and world politics. 2017. No. 4. P. 42–66.

Kashkin S. Yu. Legal regulation of the use of artificial intelligence and robotics technologies as an emerging new complex branch of law in the most representative states and international integration associations: problem statement // Bulletin of the Russian New University. Series: Man and Society. 2019. No. 3. P. 134–144.

Kivlenok T. V. Mixed legal acts : monograph. Vladimir, 2010.

Konev S. I., Tsokova B. A. Ethical and legal problems of regulation of artificial intelligence and robotics in domestic and foreign law // Education. The science. Scientific personnel. 2020. No. 4. P. 68–73.

Kutafin O. E. Gaps, analogy and defects in constitutional law // Lex Russica. Scientific works of MGUA. M. : Publishing House of MGUA. 2007. No. 4. P. 610–622.

Mateikovich M. S. Defects of constitutional and legal regulation in the Russian Federation // State and law. 2007. No. 12. P. 15–21.

Neshataeva T. N. International Organizations and Law. New trends in international legal regulation. Moscow, 1998. P. 108.

Normography: theory and technology of rulemaking : textbook for universities / Yu. G. Arzamasov et al. ; ed. Y. G. Arzamasov. Moscow : Yurayt, 2020.

General theory of law and the State: Textbook / ed. V. V. Lazarev. M., 1994.

General theory of law: course of lectures / ed. V. K. Babaev. N. Novgorod, 1993.

Ponkin I. V., Redkina A. I. Artificial intelligence from the point of view of law // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2018. Vol. 22, no. 1. p. 93.

Legal regulation of artificial intelligence in the conditions of pandemic and infodemia: monograph / eds. V. V. Blazheev, M. A. Egorova. M. : Prospect, 2022.

Legal monitoring: a scientific and practical manual / eds. Yu. A. Tikhomirov, D. B. Gorokhova. M., 2009.

Redko A. A. Legal initiative in the mechanism of action of modern Russian law : dr. legal sci. diss. Volgograd, 2023.

Sungurov A. Yu., Tinyakov D. K. Administrative reform and its projects in modern Russia: were there coalitions of support? // General sciences and modernity. 2016. No. 2. P. 39–51.

Tikhomirov Yu. A. Introduce monitoring of law // Law and economics. 2004. No. 3.

Tlembayeva Zh. U. On some issues of legal regulation of the use of artificial intelligence technology in the conditions of digital transformation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 4 (47). P. 331–349.

Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia : in 12 vols. : monograph / eds. R. L. Khachaturova, A. P. Shergina. Moscow : Yurlitinform, 2022. Vol. VIII : Administrative Law in the system of modern Russian law.

Kharitonova Yu. S. Legal regulation of the use of artificial intelligence technology // Journal of Applied Research. 2021. No. 1-2. P. 72–80.

Chernogor N. N., Zaloilo M. V. Legal monitoring: instrumental value and vectors of development //

Bulletin of the Moscow State Regional University. 2018. No. 3. P. 8–21.

Shevchenko I. L. Corporate culture as a mechanism of corporate governance in Russian companies // Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management. 2016. Vol. 10, no. 4. P. 116–121.

Yampolskaya Ts. A. On legal acts of the Council of the National Economy // Sov. gos. i pravo. 1960. No. 311. P. 86–93.

Yani P. S., Prokhorov N. V. Anti-corruption compliance in the criminal and legal sphere: a meaningful element // Russian Justice. 2018. No. 9. P. 54–57.

Companion to the Model AI Governance Framework – Implementation and Self-Assessment Guide for Organizations // Personal Data Protection Commission

Singapore: [сайт]. Available from: <http://go.gov.sg/ISAGO> (accessed: 19.03.2023).

Georgieva Z. Soft Law in EU Competition Law and its Judicial Reception in Member States: A Theoretical Perspective // German Law Journal. 2015. No. 16 (2). P. 223–260.

Gold J. Strengthening the Soft International Law of Exchange Arrangements // American Journal of International Law. 1983. Vol. 77, no. 3. P. 443–489.

Schwarzenberger G. Power Politics. // A Study of World Society. Leningrad, 1964. 154 p.

Weil P. «Vers une normativité relative en droit international?» // RGDIP. 1982. No. 86. P. 5–47.

Wu F. Towards a new generation of artificial intelligence in China // Nature Machine Intelligence. 2020. Vol. 2, no. 6. P. 312–316.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Арзамасов Ю. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения

E-mail: uarzamasov@hse.ru

Поступила в редакцию: 10.04.2023

Для цитирования:

Арзамасов Ю. Г. Оптимальная модель правового регулирования в сфере искусственного интеллекта // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 2 (53). С. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148>

National Research University "Higher School of Economics"

Arzamasov Yu. G., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Theory of Law and Comparative Law Department

E-mail: uarzamasov@hse.ru

Received: 10.04.2023

For citation:

Arzamasov Yu. G. Optimal model of legal regulation in the field of artificial intelligence // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 2 (53). P. 133–148. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/2/133-148>